А.В.Ганин

Оренбургские казаки на Дальнем Востоке в 1920–1922 годах

История борьбы оренбургских казаков с большевиками на Дальнем Востоке в 1920–1922 годах до сих пор не являлась предметом специального рассмотрения исследователей. Подобный пробел в историографии антибольшевистского движения оренбургского казачества в значительной степени объясняется тем, что документы оренбургских казачьих частей, действовавших в Забайкалье и Приморье в 1920–1922 годах, практически не сохранились ни в собрании Российского государственного военного архива, ни в коллекции Государственного архива Российской Федерации. Между тем, изучение этого вопроса имеет большое значение для понимания комплекса проблем заключительного этапа Гражданской войны в России, а также для понимания смысла и задач Белого движения, неотъемлемой составной частью которого являлось антибольшевистское движение оренбургского казачества. Поэтому при написании данного очерка мы опирались в основном на сохранившиеся документы, в которых содержатся хотя бы косвенные данные об оренбуржцах, а кроме того, на воспоминания офицеров, принимавших участие в боевых действиях на Дальнем Востоке в составе оренбургских казачьих и соседних с ними частей.

После оставления территории Оренбургского казачьего войска осенью 1919 года значительная часть оренбургских казаков не пожелала сложить оружие и продолжила вооруженную борьбу против большевиков. Такое решение, на наш взгляд, не было следствием фанатизма заранее обреченных людей. Еще вполне реальны были шансы белых на победу в Гражданской войне, и отступление оставшимися в строю воспринималось не как окончательное, а как тактическое и временное. Однако оказалось оно именно окончательным.

Череда военных неудач, обусловленная количественным и качественным ростом Красной Армии, наряду с предательством бывших союзников и внутриармейскими проблемами, привела остатки Российской армии адмирала А.В.Колчака в феврале 1920 года в Забайкалье, а в ноябре–декабре того же года и в Приморье. Вместе с армией в глубь Сибири отступали и оренбургские казачьи части и соедине-

ния: 2-я (2-й и 5-й Оренбургские казачьи полки), 3-я (3-й и 6-й Оренбургские казачьи полки), 4-я (12-й и 18-й Оренбургские казачьи полки) и 5-я (11-й и 17-й Оренбургские казачьи полки) Оренбургские казачьи бригады, 34-й и 4-й Запасный Оренбургские казачьи полки, 1-й и 2-й пластунские батальоны, несколько конных сотен и батарей[1]. В основном на восток ушли казаки из III (Троицкого) и IV (Челябинского) военных округов Оренбургского казачьего войска.

Самим ходом событий Сибирского Ледяного похода осени 1919 — начала 1920 года, когда армия подверглась наибольшим лишениям, был произведен своеобразный отбор людей, в результате которого в войсках остались наиболее закаленные и непримиримые по отношению к большевикам кадры как в офицерском составе, так и среди нижних чинов. Многие из тех, кто оказался в рядах армии в Забайкалье и Приморье, имели уже двух- или трехлетний опыт участия в Гражданской войне, дополнявшийся в целом ряде случаев соответствующим боевым опытом Великой войны.

Оренбуржцы отходили к Байкалу и перешли его в арьергарде армии. После перехода от Лиственничной до Мысовой по льду озера войска могли относительно спокойно двигаться до Читы. Пожалуй, единственное столкновение с красными партизанами произошло у торгового села Кабанского, занятого в результате часового боя силами двух казачьих полков.

Мы не можем согласиться с довольно категоричным утверждением Генерального штаба генерал-майора П.П.Петрова, что «в распоряжении противобольшевистских сил, собравшихся в Забайкалье в начале 1920 года, оказался почти весь 1920 год, но этот год в истории Белого движения на Востоке является совершенно бездейственным и разлагающим»[2]. Приход каппелевцев в Забайкалье дал им возможность отдохнуть и оправиться после тяжелейшего отступления, и, не будь этой передышки, возможно, не было бы дальнейшей вооруженной борьбы с большевиками, продолжавшейся на Дальнем Востоке до конца 1922 года. Офицер одного из дошедших до Читы Оренбургских казачьих полков поручик И.К.Волегов впоследствии вспоминал: «В Читу мы пришли в зимнем обмундировании. На голове — папаха, на плечах — полушубок, на ногах — катанки и ватные брюки, а весна берет свои права, не спрашивая нас, готовы ли мы к встрече с ней. Эта весна была для нас так дорога, как Воскресение Христово. Этот Ледяной поход, полный страданий и лишений, отнял от нас здравое мышление, как будто мы были все время на застывшей планете, которую солнце уже никогда своими лучами не обогреет... Солнце нас уже пригревало, физического переутомления не было, воспоминания о прошлом не воскресали, никто не задумывался над тем, откуда он сюда пришел, что он потерял. Дом ли свой, где когда-то уютно проводил в нем (так в тексте. — *А.Г.*) время со своей семьей, или то имущество, которое было нажито десятками лет и составляло его богатство, обеспечивающее его как будто на всю жизнь. Он об этом не думал, а если

это приходило ему на мысль, он старался избавиться от этих воспоминаний, чтобы не подвергать свое измученное сердце этим страданиям и не омрачать эти долгожданные минуты счастья. Он уже слишком много выстрадал, и эта передышка под яркими и теплыми лучами солнца была подлинным счастьем. Он не пренебрегал тем, во что он одет, он не стыдился идти по городским улицам в катанках, несмотря на то, что в этих улицах местами уже стояли лужи воды, а его размокшие катанки уже не имели формы сапога. Носок задран вверх, задник на боку, и идет на голенище, крепко придерживая винтовку на ремне. Он уже не испытывал холода, не слышал свиста неприятельских пуль, он испытывал такое счастье, что в жизни вряд ли были у него такие счастливые минуты, какие он переживал сегодня»[3].

Вся армия, в том числе и оренбургские казачьи части, понесшие в ходе Сибирского Ледяного похода большие потери, в Забайкалье была переформирована. Из оренбуржцев были сформированы два конных полка и пеший дивизион, составившие отдельную Оренбургскую казачью бригаду под командованием генерал-майора В.М.Панова. Эта бригада первоначально несла сторожевую службу в районе Читы.

11 марта 1920 года, пройдя отдельно от основных сил армии с боями около 3000 верст по тайге и перейдя Байкал в районе полуострова Святой Нос, в Читу пришел 11-й Оренбургский казачий полк под командованием полковника А.В.Зуева. В составе полка ко времени прихода в Забайкалье находилось 20–25 офицеров и около 300 казаков[4], причем до 50% личного состава были больны. Больных офицеров и казаков разместили в читинских госпиталях, оставшихся в строю — по деревням вблизи города. Деятельность полка в Забайкалье в первой половине 1920 года в основном свелась к участию в операциях против красных партизан. Вместе с Сибирским казачьим полком 11-й Оренбургский казачий полк вошел в состав Сводно-казачьей бригады. Полк, прошедший Сибирский Ледяной поход, получил лишь три дня на отдых, после чего был переброшен на станцию Укурей Амурской железной дороги для борьбы с партизанами, постоянно совершавшими диверсии на железной дороге и разрушавшими полотно[5]. Только по официальным советским данным, на Восточно-Забайкальском фронте в 1920 году действовало свыше 20 тысяч партизан[6]. И, какова бы ни была их реальная численность, действия красных партизан создавали значительную угрозу положению белых в Забайкалье.

11-й Оренбургский казачий полк был придан Омской стрелковой дивизии и действовал в районе станций Зилово и Пашенная, а затем был направлен в город Нерчинск, где казаки получили, наконец, возможность отдохнуть, привести в порядок полковое хозяйство и конский состав. В дальнейшем полк участвовал в крупномасштабных боевых действиях в районе станиц Житкинской и Ундинской Забайкальского казачьего войска.

В июне 1920 года Оренбургская, Забайкальская и Сводно-казачья бригады участвовали в операциях против партизан в составе конной группы генерал-майора Т.И.Артамонова. Конная группа должна была отрезать пути отступления противнику в районе Нерчинского завода, не позволив партизанам скрыться в тайге. По труднопроходимой лесистой и местами заболоченной местности казаки, бросив артиллерию и обозы и разобрав пулеметы, пересекли Нерчинский хребет и вышли в партизанский тыл – долину реки Газимур[7]. 9 июня на рассвете конная группа с боем заняла Газимурский завод. В результате этого рейда забайкальские партизаны лишились связи с амурским фронтом и оказались отрезанными от своих баз. От Газимурского завода конная группа выступила к реке Аргунь и достигла ее в районе станиц Аргунской и Олочинской, пытаясь прижать к реке части под командованием известного красного партизана М.М.Якимова. Однако из-за раздробления конной группы на более мелкие отряды красным удалось прорваться и уйти по берегу Аргуни на север. Таким образом, добиться окончательной победы над восточнозабайкальскими партизанами конная группа не смогла. Тем не менее, участники рейда были удостоены благодарности командира II Отдельного Сибирского стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Г.А.Вержбицкого, впоследствии командующего Дальневосточной армией[8].

После окончания рейда к Аргуни оренбуржцы приняли участие в походе на Богдатский завод и далее к реке Шилка. Поход проходил по дикой, безлюдной местности и был очень труден в связи с невозможностью обеспечить довольствие войск в незаселенных районах. От деревни Лоншаково, расположенной на берегу Шилки, казаки на речных судах были направлены в Сретенск, где 11-й Оренбургский казачий полк простоял вплоть до оставления Дальневосточной армией Забайкалья.

К осени 1920 года, по разведданным Народно-революционной армии Дальневосточной республики (НРА ДВР), состав Оренбургской казачьей бригады был следующим[9]:

Наименование	Командир	Сабель	Пулеметов	Пункт дислокации
Штаб бригады	—	—	—	ст. Борзя
1-й Оренбургский казачий полк	генерал-майор В.А.Бородин	230	5	ст. Борзя
2-й Оренбургский казачий полк	войсковой старшина Алеманов	170	5	ст. Борзя
Пеший дивизион	полковник Донских	390	—	ст. Нарымская

Приказом войскам Дальневосточной армии № 232/с от 12 августа 1920 года 11-й Оренбургский казачий полк «в целях объединения родственных казачьих частей» был выведен из состава Сводно-казачьей бригады II Отдельного Сибирского стрелкового корпуса и передан на присоединение к Оренбургской казачьей бригаде в III корпус[10]. Но поскольку в начале 1921 года в Приморье существовал отдельный Оренбургский казачий полк под командованием генерал-майора А.В.Зуева, можно предположить, что эта часть на некоторое время все же сохранила свой обособленный от бригады характер. К сожалению, отсутствие в нашем распоряжении документальных материалов о переформировании Оренбургской казачьей бригады не позволяет уточнить эти сведения.

15 июля 1920 года на станции Гонгота Забайкальской железной дороги правительство буферной Дальневосточной республики и японское командование заключили договор о прекращении боевых действий и установлении нейтральной зоны между силами НРА ДВР и японскими войсками. По этому соглашению японцы должны были оставить Забайкалье, что кардинально меняло соотношение сил в регионе в пользу красных. В этой связи атаманом Г.М.Семеновым еще летом 1920 года было принято решение об уходе армии из Забайкалья[11].

Вывод японских войск начался уже через десять дней после подписания соглашения, но завершился только 15 октября. Не дожидаясь ухода японцев. отдельные части НРА под видом партизан пересекли нейтральную зону и начали боевые действия против белых. По окончании вывода японских войск, 19 октября, началось уже полномасштабное наступление НРА ДВР, в результате которого части Дальневосточной армии к 20 ноября были вынуждены с боями оставить Забайкалье и перейти на территорию Маньчжурии[12]. Казачьи части отходили в Маньчжурию в арьергарде армии, прикрывая ее фланги.

После перехода границы войска должны были сдать оружие. Поручик И.К.Волегов, служивший в Оренбургской казачьей бригаде, впоследствии вспоминал: «За городом Маньчжурия нас встречали китайские войска и отводили в определенный район, где было отведено место для сдачи огнестрельного оружия. Сотню казаков выстраивали в одну шеренгу с винтовками на плечо и с открытыми затворами. Медленно двигаясь сквозь строй китайских солдат, которые стояли шпалерами, наши солдаты сдавали оружие китайским офицерам, которые осматривали винтовки, закрывали затворы и указывали место, куда их складывать... Казакам было жаль расставаться с оружием. Они долго его носили за плечами, чистили и ухаживали за ним, как за своими конями. Заботились главным образом в походе о коне и о карабине»[13].

В ноябре 1920 года Главнокомандующий войсками Российской восточной окраины генерал-лейтенант Г.М.Семенов в письме коман-

дующему Дальневосточной армией генерал-лейтенанту Г.А.Вержбицкому отмечал: «Считаю необходимым теперь же приступить к реорганизации Дальне-Восточной армии, ибо исправить ошибки никогда не поздно. Поэтому предлагаю начать объединение мелких разрозненных войсковых групп в более боеспособные и прочные войсковые соединения, уменьшить число отдельных частей, но зато дать им численность, достаточную для выполнения возлагаемых на них боевых задач»[14].

По плану Семенова реорганизации подлежали и оренбургские казачьи части. Так, из 1-го и 2-го сводных Оренбургских казачьих полков Г.М.Семенов предлагал сформировать Сводный Оренбургский казачий полк, а в 11-й Оренбургский казачий полк влить Оренбургский пеший дивизион пополнения. Оренбуржцы совместно с сибирскими и енисейскими казаками должны были составить Сводную казачью дивизию, которой придавался конно-артиллерийский дивизион из двух батарей и дивизионный обоз[15]. Но, судя по всему, предложение атамана Семенова на практике реализовано не было.

Из Маньчжурии в ноябре–декабре 1920 года армия по КВЖД была переброшена в Приморье. Формально это была уже не армия, а люди, искавшие пристанища, однако в действительности армейская структура была сохранена, но командование было вынуждено находиться на нелегальном положении.

На новом месте войска были расквартированы по линии железной дороги от Гродеково до Владивостока. Включенная в состав Сводно-казачьей дивизии генерал-майора В.М.Панова Оренбургская казачья бригада под командованием генерал-майора Н.М.Наумова была дислоцирована в поселках станицы Полтавской Уссурийского казачьего войска. К весне 1921 года в составе бригады находилось до 1300 казаков[16].

Боевой состав Оренбургской казачьей бригады
(декабрь 1920-го – январь 1921 года)[17]

Часть	Командир	Шашек
1-й Оренбургский казачий полк	генерал-майор В.А.Бородин[18]	250
2-й Оренбургский казачий полк	полковник Корольков	200
Оренбургский казачий пеший дивизион	полковник Титов	—
Оренбургская казачья батарея	полковник М.Ф.Воронин	—

Армия сохранила свою организацию, но оставалась практически без оружия, бездействовала и, находясь в постоянном контакте с местным населением, начинала разлагаться. Широкий размах приобрело пьянство. Несмотря на жесткие меры командования, направленные на укрепление дисциплины, справиться с процессом разложения частей было невозможно. Из-за отсутствия оружия войска не могли противостоять не только партизанскому движению, но даже и обыкновенному бандитизму, широко распространившемуся в Приморье. Так, в деревне Павловка неизвестным конным отрядом был захвачен, раздет и заперт в одном из домов командир отдельного Оренбургского казачьего полка генерал-майор А.В.Зуев[19].

Для поддержания порядка в первой половине 1921 года была осуществлена реорганизация армии, коснувшаяся и оренбуржцев. Части были передвинуты в новые пункты дислокации, Сводно-казачья дивизия расформирована, а Оренбургская казачья бригада преобразовывалась в отдельное соединение. В мае 1921 года начальником бригады был назначен бывший командир 1-го Оренбургского казачьего полка генерал-майор В.А.Бородин. По свидетельству поручика Б.Б.Филимонова, «генерал Бородин был высоким, рослым, представительным мужчиной во цвете лет и сил, чрезвычайно спокойный, выдержанный, обладающий незаурядной личной храбростью и доблестью, благожелательный ко всем своим войскам и простой и доступный в обращении в отношении рядовых казаков, таких же рядовых солдат и господ обер-офицеров. В общем, с ним чрезвычайно легко и приятно было служить»[20].

В результате переворота 26 мая 1921 года во Владивостоке, совершенного силами армии, было свергнуто пробольшевистское Приморское областное управление Дальневосточной республики и к власти пришло Временное Приамурское правительство под председательством С.Д.Меркулова. Армия после переворота, наконец, стала получать оружие и смогла приступить к своей первоочередной задаче — наведению порядка в Приморье.

6 февраля 1921 года в Суйдине в результате операции советских спецслужб был убит Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант А.И.Дутов. После его гибели возникла проблема сохранения преемственности атаманской власти. Единственным авторитетным для оренбургских казаков лидером на Дальнем Востоке в тот период оказался генерал-майор Н.С.Анисимов[21]. Располагая значительными денежными суммами (свыше 100 000 золотых рублей), полученными им еще осенью 1920 года от атамана Г.М.Семенова на поддержку оренбуржцев в Синьцзяне (Западный Китай), Анисимов, в том числе и по этой причине, организационным собранием оренбургских казаков в Харбине 1 марта 1921 года был избран заместителем Войскового атамана Оренбургского казачьего войска[22]. Избрание Анисимова на атаманский пост было

утверждено атаманом Семеновым и признано оренбургскими казаками, находившимися в Приморье. 26 октября 1921 года, обращаясь к казакам, Анисимов писал: «Час освобождения Родины и всех нас близок. Палачи, доведшие нашу Родину до величайшего позора, унижения и обнищания и погубившие десятки миллионов русских людей, доживают последние дни. Взирая с глубокой верой в близкое освобождение, я, как преемник власти безвременно погибшего доблестного Атамана нашего Генерал-Лейтенанта Дутова, желаю вам, дорогие станичники, волею судьбы заброшенные в далекую восточную окрайну (так в тексте. — *А.Г.*), дожить до светлых дней возвращения на Родину, где мы увидим, хотя и опустошенные, но дорогие нам места и встретим, хотя и исхудалых и изможденных от голода и коммунистического гнета, но близких и милых нашему сердцу родных. Заместитель Войскового Атамана генерал-м[айор]. Анисимов»[23]. Благодаря своим личным качествам Анисимов сумел завоевать доверие членов Временного Приамурского правительства. Лишь позднее, уже после падения белого Приморья, стало известно, что, ведя беспутную жизнь, он промотал все войсковые капиталы.

Пребывание генерал-майора Н.С.Анисимова на атаманском посту совпало с наиболее тяжелым для значительной части оренбургских казаков периодом окончания активной борьбы с большевиками и первых лет пребывания в эмиграции, когда казаки особенно нуждались в материальной поддержке. Возможно, именно на Анисимове в какой-то мере лежит ответственность за бедственное положение и гибель казаков из отряда генерал-лейтенанта А.С.Бакича. Расследование деятельности Анисимова, проведенное ревизионной комиссией под председательством надворного советника П.С.Архипова, подтвердило факты хищений войсковых средств. Но только 16 февраля 1923 года генерал Анисимов был лишен своих атаманских полномочий и вскоре уехал из Шанхая в СССР.

Деятельность Н.С.Анисимова негативно отразилась на боеготовности оренбургских казачьих частей в Приморье. По свидетельству поручика Б.Б.Филимонова, «желая иметь под рукой во Владивостоке верную опору, Генерал Анисимов выделил из [Отдельной Оренбургской казачьей] бригады до 120 лучших Урядников и Подхорунжих, из коих образовал под начальством Полковника Сокорева Школу Подхорунжих Оренбургского казачьего войска имени Атамана Дутова. Таким образом, в результате эгоистических мероприятий Анисимова, бригада, сохранив свою значительную численность, значительно понизилась качественно, и, отличная еще в Забайкалье, в 1920 году, Оренбургская бригада в Приморье, в 1921–1922 годах, стала заметно слабее»[24].

Не избежали оренбуржцы и участия в печально известном конфликте между семеновцами и каппелевцами. Как уже было отмечено, заместитель Войскового атамана Оренбургского казачьего вой-

ска генерал-майор Н.С.Анисимов был фактически креатурой Г.М.Семенова. Во многом по этой причине подчиненных Анисимову оренбургских казаков, несмотря на их участие в Сибирском Ледяном походе, относили к семеновцам. Не случайно председателем открывшегося в Приморье 26 апреля 1921 года Съезда представителей девяти казачьих войск, избравшего генерал-лейтенанта Г.М.Семенова Походным атаманом всех казачьих войск Российской Восточной окраины, был именно представитель Оренбургского казачьего войска генерал-майор Н.С.Анисимов. Добавим, что до середины 1921 года Отдельная Оренбургская казачья бригада входила в состав Гродековской группы войск, на которую фактически опирался Г.М.Семенов[25].

Конфликт двух группировок внутри армии был столь глубоким, что иногда доходил даже до применения силы. В этой связи весьма показателен приказ командующего Гродековской группой войск генерал-лейтенанта Н.И.Савельева генерал-майору Малакену от 12 июля 1921 года, в котором предписывалось: «...пройти через Раздольное и никаких требований каппелевских комендантов не выполнять. Думаю, что Вашего отряда достаточно, чтобы Вас не арестовали. Имейте в виду, что японцы не позволят стрелять. В случае надобности на рысях выйдет Забайкальская казачья Бригада...»[26]

К сожалению, внутренняя рознь между семеновцами и каппелевцами сохранялась в войсках и в 1922 году[27], даже после того, как 14 сентября 1921 года атаман Семенов навсегда покинул Приморье, хотя период наиболее острых противоречий остался позади.

К лету 1921 года положение Дальневосточной армии продолжало оставаться крайне тяжелым. В июне ее общая численность составляла от 12 до 15 тысяч человек[28]. Вся эта масса людей оставалась безоружной[29] и была морально надломлена бесправным и совершенно пассивным существованием на положении беженцев в течение полугода. Кроме того, как уже отмечалось, армия была расколота на два враждебных лагеря и не имела общего командования.

Из двух Оренбургских казачьих полков к лету 1921 года был сформирован один полк под командованием генерал-майора А.В.Зуева. В начале лета конные части и артиллерийская сотня (в июне 1921 года переименована из отдельного Оренбургского казачьего артиллерийского дивизиона в связи с отсутствием орудий[30]) Отдельной Оренбургской казачьей бригады были расположены в селах Михайловском и Воздвиженском в районе Никольск-Уссурийского, пластунский дивизион располагался в казармах Никольск-Уссурийского (позднее переброшен в село Воздвиженское), управление бригадного интенданта — в вагонах на станции Гродеково, а штаб бригады — в вагонах на станции Голенки, расположенной между Никольск-Уссурийским и Гродеково[31]. К 1 июля 1921 года Отдельная Оренбургская казачья бригада имела следующий состав[32]:

Наименование	Офицеров	Нижних чинов	Членов семей военно-служащих, получавших пайки	Лошадей
Штаб бригады	35	106	10	116
Оренбургский казачий полк	91	525	7	615
Отдельный Оренбургский казачий пластунский дивизион	51	273	72	97
Отдельная Оренбургская казачья артиллерийская сотня	11	59	1	69
Всего:	188	963	90	897

Из таблицы видно, что численность бригады примерно соответствовала численности шестисотенного казачьего полка, но при этом почти в пять раз превышала ее по количеству офицеров[33]. Один офицер в Отдельной Оренбургской казачьей бригаде в среднем приходился на пять казаков. Такое соотношение объясняется несколькими причинами. Во-первых, на Дальнем Востоке бригада являлась единственным соединением, целиком сформированным из казаков Оренбургского войска, и вполне естественным было стремление оренбургских казачьих офицеров, оказавшихся в Забайкалье и Приморье, служить именно в бригаде своего войска. Во-вторых, если казаки в ходе Сибирского Ледяного похода имели возможность сдаваться в плен красным, то казачьи офицеры по разным причинам не считали такой шаг для себя приемлемым. В-третьих, на Востоке России широко практиковалось производство в офицерские чины способных унтер-офицеров, что также существенно увеличивало процент оренбургских казачьих офицеров, оказавшихся в 1920–1922 годах на Дальнем Востоке.

Сельское население сочувствовало большевикам и, несмотря на наличие в бригаде высокого процента офицеров, разлагающе влияло на казаков. Подобное явление, по свидетельству поручика Б.Б.Филимонова, объяснялось тем, что «значительная ценность каждого бойца, как результат малочисленности частей, неудачи, частые перемены в командовании, отсутствие самого необходимого из пищи и одежды вырывали[34] почву из-под ног начальника и заставляли[35] его подчас

смотреть на некоторые провинности подчиненного сквозь пальцы. Результат не заставил себя долго ждать – воинские чины стали распускаться»[36]. Так, однажды две сотни Оренбургского казачьего полка никак не отреагировали на приветствие своего командира. Некоторые казаки стремились бросить часть и уехать в родные станицы на Урал. Позднее, когда был издан приказ, разрешавший всем желающим покидать свои части, группа казаков, стремившаяся как можно скорее вернуться домой, не преминула этим воспользоваться и оставила бригаду.

Во избежание дальнейшего разложения еще летом бригада была переведена в Никольск-Уссурийский[37], а в начале осени выведена из состава Гродековской группы войск[38] и по экономическим соображениям переброшена в Раздольное, в районе которого, в долине реки Суйфун, можно было силами самой бригады заготовить фураж. Несмотря на это, зимой 1921/22 года в бригаде были случаи падежа лошадей от голода и болезней, а в более поздний период она испытала острую нехватку не только фуража для лошадей, но даже и продовольствия для личного состава. Подобные проблемы не могли не отражаться на настроении казаков и лишь усиливали разложение.

В сентябре 1921 года начальником Отдельной Оренбургской казачьей бригады был назначен генерал-майор Н.М.Наумов, а генерал-майор В.А.Бородин 23 октября принял формировавшийся I Сводно-казачий корпус, в состав которого была включена и Оренбургская казачья бригада[39]. Оба казачьих офицера всего за два года прошли путь от командира казачьего полка до комбрига, а Бородин – даже до комкора. Однако идея казачьего корпуса не прижилась, и, формально просуществовав до 1922 года, он был разделен на две казачьи группы.

Находясь в Приморье, армия была вынуждена вести постоянную борьбу с партизанами и бандами хунхузов, а позднее и с войсками ДВР. Силы красных партизан в Приморье оценивались белыми в 3500 штыков, 650 сабель, 11 пулеметов и 3–5 орудий, численность хунхузов – в 3000 человек[40]. По данным самих приамурских партизан, они к февралю 1922 года имели не менее 1700 штыков и сабель, 25 пулеметов и 3 орудия, к июлю 1922 года численность партизан составляла 3500 человек[41].

В конце ноября 1921 года оренбургские казаки вновь приняли участие в контрпартизанских действиях. Бригада должна была, пройдя по партизанским районам, выйти к Сучанским угольным копям и занять их. Контроль над Сучанскими угольными копями имел большое стратегическое значение и был необходим Временному Приамурскому правительству для обеспечения углем Владивостока и Уссурийской железной дороги. Из-за ошибок администрации на рудниках началась забастовка рабочих, приведшая к уходу многих из них в партизаны[42]. Еще летом 1921 года район Сучанских угольных копей вызывал беспокойство местной милиции, которая оказалась совершенно беззащитной перед партизанами. Так, начальник Ольгинской уезд-

ной милиции 5 июля 1921 года ходатайствовал «о высылке на Сучанский Рудник воинских частей Правительства и, если возможно, также и японских, для водворения там порядка и восстановления функций Начальников участков, т.к. Сучанский Рудник является в настоящее время гнездом коммунистических партий и я, за неимением в данное время достаточного количества надежных милицейских чинов и вооружений, бороться с ними не имею сил, что даст возможность партизанам овладеть копями и железной дорогой, а также не предотвратит их от насилия над мирными жителями и чинами милиции»[43].

Уже в августе 1921 года на Сучан был отправлен Ижевский стрелковый полк[44], однако его пребывание в районе угольных копей не помогло навести там порядок. Наоборот, в сентябре, в связи с периодом сбора мака, наблюдался всплеск бандитизма[45]. Властям пришлось спешно усиливать части, дислоцированные в районе рудника. Осенью в район Сучана были направлены Воткинский конный дивизион и батальон Ижевского стрелкового полка. А в начале октября в районе Сучана начались настоящие боевые действия. Партизаны в этом районе получали помощь из урочища Анучино – крупнейшего партизанского центра Приморья. Для ликвидации партизанского центра в районе Сучана Временное Приамурское правительство фактически установило экономическую блокаду района, запрещая ввоз туда продовольствия до окончательного освобождения от партизан[46]. В октябре 1921 года, после ликвидации стачечного комитета на севере Сучанского района. неспокойная обстановка сохранилась лишь на юге. Конец октября ознаменовался переносом действий партизан на линию железной дороги и определенным затишьем, однако в ноябре обстановка в районе Сучана вновь резко обострилась, причем в результате активности партизан части белых в этом районе оказались отрезанными от своих баз и фактически голодали. Правительство направило на Сучан новые силы – 1-й Волжский и 8-й Камский стрелковые полки. Лишь после этого усиления район удалось на время очистить от партизан. Очистив район Сучана, белоповстанцы при содействии Сибирской флотилии перешли в наступление на Анучино, расположенное к северо-западу от Сучана. 23 ноября 1921 года Анучино на несколько месяцев было занято частями Генерального штаба полковника А.Г.Аргунова, после чего начался знаменитый Хабаровский поход частей Дальневосточной армии под командованием генерал-майора В.М.Молчанова[47].

Временная потеря Анучина – главной базы приамурских партизан – поставила их в очень тяжелое положение. Красные партизаны были вытеснены в тайгу, однако окончательно разгромлены не были[48]. Уже во время наступления на Анучино в тылу наступавших войск, в районе Сучана, вновь активизировалось партизанское движение. Именно тогда оренбургским казакам было поручено окончательно ликвидировать этот партизанский центр. Для выполнения поставленной задачи командиру I Сводно-казачьего корпуса генерал-

майору В.А.Бородину предписывалось «выделить из состава Оренбургской казачьей бригады отряд силою не менее 500 сабель (в случае недостатка конского состава в Оренбургской каз[ачьей]. бригаде добавить из других частей Сводно-казачьего корпуса)»[49]. От станции Угольная в обход станции Шкотово отряд должен был выдвигаться к деревне Новороссия – исходному пункту общего наступления, заняв ее к вечеру 19 ноября.

К ноябрю 1921 года состав Оренбургской казачьей бригады был следующим[50]:

Часть	Командир	Сабель	Штыков
Оренбургский казачий полк	генерал-майор А.В.Зуев	480	—
Оренбургский казачий пластунский дивизион	Полковник Титов	—	280
Оренбургская казачья артиллерийская сотня	есаул Плотников	50	20
Всего:		530	300

При выступлении на фронт, по данным поручика Б.Б.Филимонова, «Оренбургская каз[ачья]. бригада была обмундирована прилично: люди одеты в шинели, вязаные рубахи и демсин»[51]. Выполнение возложенной на бригаду задачи осложнялось тем, что партизанам сочувствовало местное население, а кроме того, они могли легко скрываться от преследования белых в обширной труднопроходимой тайге и столь же неожиданно нападать на небольшие казачьи подразделения. Положение населения тоже было не из легких – оно жило в постоянном страхе и перед насилием со стороны партизан, и перед репрессиями правительственных войск. Повторялась ситуация первой русской революции, однако нельзя не признать, что, в отличие от императорского правительства, приморская власть была слишком слаба для того, чтобы удерживать под контролем формально подчиненную ей территорию.

Тем не менее, бригада выполнила поставленную перед ней задачу и заняла Сучан, простояв там с декабря 1921-го по июль 1922 года[52]. Этот период характеризовался постоянными столкновениями казаков с партизанами. Во время пребывания оренбуржцев на Сучане произошел курьезный случай, по счастливой случайности не обернувшийся для них трагедией, – в плен к партизанам едва не попали сразу два оренбургских казачьих генерала – А.В.Зуев и Н.М.Наумов. Возле села Владимиро-Александровского по пути на Сучанские угольные ко-

пи казачьих генералов ждала засада. Красные, заняв расположенную возле дороги сопку, встретили генералов и их конвой залпами. По воспоминаниям самого генерал-майора А.В.Зуева, «заводской кучер, везший двух генералов в экипаже, до того растерялся, что бросил вожжи и испуганные выстрелами лошади понеслись сколь есть мочи по лесной и каменистой дороге. Нас сопровождали частые выстрелы; уже ранило двух лошадей из конвоя в 10 всадников, а экипаж мчался с такой быстротой, что почтенные генералы уже не думали о выстрелах, а опасались катастрофы с экипажем!.. Наконец, кое-как удалось взять вожжи и удержать запыхавшихся лошадей. Тщетны были надежды партизан на пленение двух генералов, однако игра, как говорится, стоила свеч!»[53]

В период нахождения на Сучане бригада в результате стычек с противником несла постоянные потери, в том числе и в офицерском составе. Когда партизаны совершили налет на станцию Новонежино, часть казаков охранявшего станцию взвода подъесаула Завьялова была захвачена ими в плен. Оказавшийся в безвыходном положении подъесаул Завьялов подорвал себя ручной гранатой. Однако наряду с героизмом имели место и прямо противоположные проявления. В частности, на сторону красных перешла группа казаков во главе с подхорунжим Семеновым.

С приходом к власти генерал-лейтенанта М.К.Дитерихса в армии стали осуществляться серьезные позитивные преобразования, направленные, прежде всего, на ее объединение. Значение этих реформ было оценено и казаками. В частности, в приказе от 12 июня 1922 года по Сводно-казачьей бригаде отмечалось, что «с приездом Генерала Дитерихса наша государственность вышла на определенный и твердый путь и, таким образом, неопределенность положения, несшая разложение Армии, нашла себе естественную смерть. Кончена политическая борьба и армия вновь вступила на путь объединения и укрепления сил. Приказываю всем от офицера до казака не политиканствовать и тем более не производить мести, а заняться серьезной и упорной работой по укреплению и поднятию боеспособности армии»[54].

В результате преобразований значительно изменилась структура армии. Дальневосточная армия была переименована в Приамурскую Земскую Рать, полки – в дружины, а командующий – в Воеводу Земской Рати. Введением исторических наименований генерал Дитерихс, судя по всему, преследовал цель поднять дух частей напоминанием о событиях Смутного времени, однако эта мера была неоднозначно воспринята в войсках. Оренбургская казачья бригада в качестве отряда вошла в состав Сибирской казачьей рати (группы) генерал-майора В.А.Бородина[55].

23 июля во Владивостоке состоялось первое заседание Приамурского Земского Собора. Оренбургское казачье войско на нем представляли: заместитель Войскового атамана Оренбургского казачьего

войска и бывший председатель Совета казачьих войск[56] генерал-майор Н.С.Анисимов и командир 1-го Сводно-казачьего корпуса генерал-майор В.А.Бородин, назначенные представителями от армии и флота, войсковой старшина Ф.И.Павлов, представлявший Оренбургскую казачью бригаду, и член Войскового правительства Оренбургского казачьего войска А.С.Пономарев[57].

Практически сразу после своего избрания Правителем Приамурского Земского Края генерал Дитерихс занялся решением казачьих вопросов. Указом от 9 августа 1922 года за № 2 было сформировано Правление Войсковых атаманов казачьих войск, причем в документе говорилось: «Следуя историческим заветам России, считаю необходимым теперь же привлечь к содействию Верховному Управлению Приамурским Краем казачье сословие, для чего учреждаю коллегиальный орган Правления казачьих войск из Атаманов и их Заместителей всех казачьих войск Сибири. Председателем Правления назначаю Атамана Уральского Казачьего Войска Генерал-Лейтенанта ТОЛСТОВА со званием моего Помощника по казачьим Войскам»[58]. Оренбургское казачье войско в Правлении Войсковых атаманов представлял генерал-майор Н.С.Анисимов, пользовавшийся как член Правления правами и преимуществами начальника дивизии[59]. Создание нового органа казачьего управления преследовало и политическую задачу – генерал Дитерихс не доверял прежнему Совету казачьих войск. В частности, в одном из документов, написанных накануне открытия Приамурского Земского Собора, отмечалось, что «Генерал Дитерихс находится в резкой борьбе против всего казачьего Совета, которых третирует (так в тексте. – *А.Г.*), как социалистов»[60].

Уже при Дитерихсе из района Сучанских угольных копей Оренбургская казачья бригада была переброшена на линию Уссурийской железной дороги, где продолжала бороться с партизанским движением. В июле 1922 года в одном из боев с партизанами, которые часто были вооружены и обеспечены лучше, чем правительственные войска, получил ранение генерал-майор Н.М.Наумов, и в командование бригадой вступил генерал-майор А.В.Зуев.

К 1 сентября 1922 года Оренбургский отряд (бригада) имел следующий состав[61]:

Часть	Сабель	Штыков	Орудий[62]
Конный полк	400	—	—
Пластунский дивизион	—	200	—
Артиллерийская сотня	50	20	—
Всего:	450	220	—

У оренбуржцев, по мнению поручика Б.Б.Филимонова, «не было деления на группы, эта бригада, под начальством своего Командира – Ген[ерал].-майора Наумова, так и продолжала существовать, как она существовала до прибытия в Приморье Генерала Дитерихса. Перемена произошла лишь в наименованиях: раньше была бригада, теперь это стал полк. Раньше был Конный полк под командой Генерала Зуева, теперь это стала Конная дружина под командой того же Генерала Зуева. Раньше был Пластунский дивизион – теперь это пластунская дружина. Впрочем, даже эти изменения последовали главным образом на бумаге и [в] разговорном лексиконе старших начальников, в среде же рядовых бойцов и младших офицеров по инерции продолжали жить "бригада", "полк", "пластунский дивизион"»[63].

В сентябре 1922 года Сибирская казачья рать (группа) в составе Оренбургской казачьей и Сводно-казачьей бригад общей численностью свыше 1000 штыков и сабель под командованием генерал-майора В.А.Бородина повела наступление на урочище Анучино, где приамурские партизаны вновь организовали свою главную базу. Активизация боевых действий осенью 1922 года осуществлялась в расчете на какие-либо крупные события в Забайкалье или Японии.

План, по словам начальника штаба Земской Рати Генерального штаба генерал-майора П.П.Петрова, был следующим: «Предполагалось, что как только красные будут прогнаны за р. Уссури, ген[ерал]. Молчанов из района Спасска направит на Анучино часть своей конницы с севера, а в это время казачья группа ген[ерала]. Бородина перейдет в наступление с юга. Это было отложено и сыграло затем скверную роль в событиях октябрьских»[64].

Казакам приходилось действовать в труднопроходимых глухих местах, в сложных погодных условиях. В связи с невозможностью конных маневров боевые действия велись, как правило, в пешем строю. Партизаны же постоянно действовали на сообщения и фланги казачьей группы, в результате чего значительные силы из ее состава были отвлечены на сопровождение транспортов с больными, продовольствием и боеприпасами. В результате активизации партизан и ослабления казачьей группы в связи с угрозой ее коммуникациям казаки фактически перешли к пассивной обороне в районе укрепленной еще японцами деревни Ивановка на тракте Никольск-Уссурийский–Анучино. Контроль белых над этим населенным пунктом не позволял партизанам выйти по тракту на линию стратегически важной Уссурийской железной дороги. В дальнейшем борьба на анучинском фронте по причине крайней малочисленности Сибирской казачьей рати свелась к ожесточенным боям за Ивановку. Кстати, партизанам не удалось занять эту деревню даже в период их решающего наступления совместно с НРА ДВР в октябре 1922 года. В конце сентября Сибирская казачья рать предприняла неудачную попытку наступления из Ивановки на Анучино. Во время этого наступления оренбургские казаки проявили себя не с лучшей стороны. В частности,

28 сентября во время боя за деревню Малая Орловка некоторые из них дрогнули и стали отходить. В этой ситуации, по воспоминаниям поручика Б.Б.Филимонова, произошел следующий курьезный случай: «Штабс-капитан Решетников и еще кое-кто из офицеров-артиллеристов крикнули было Оренбургцам, чтобы они остановились и помогли бы поднять перевернутый конями передок, но куда там: пешие и конные Оренбургцы спешили в тыл. По дороге молча и быстро шел какой-то Оренбургский офицер в защитном дождевике без погон. Решетников крикнул было ему, чтобы он приказал своим казакам остановиться и помочь артиллеристам, но офицер продолжал молча идти, тогда горячий Штабс-Капитан Решетников обругал офицера-оренбургца, назвав его трусом и покрыв "матом". Слышал ли то офицер в дождевике или нет – неизвестно, но другой артиллерист – Штабс-Капитан Покровский зашикал на Решетникова: "Что Вы, Дмитрий Ионович, это ведь Генерал Зуев". – "Тем хуже для него", – была короткая и такая же горячая, как и вся предыдущая, речь Шт[абс].-Кап[итана]. Решетникова»[65]. Впоследствии выяснилось, что отступала лишь некоторая часть оренбургских казаков, в то время как Оренбургский пластунский дивизион продолжал вести бой. Тем не менее, оренбургских казаков участники рейда считали менее стойкими по сравнению с сибирскими и енисейскими казаками[66]. По сути, рейд на Анучино, завершившийся неудачей, был одной из последних антипартизанских операций, проводившихся армией на Дальнем Востоке.

30 сентября 1922 года генералом Дитерихсом была объявлена мобилизация всего способного носить оружие (от 18 лет) мужского населения казачьих войск, находившихся в Приамурском Земском Крае. Мобилизуемые казаки должны были явиться во Владивосток, в распоряжение Войсковых атаманов, не позднее 12 октября[67]. Однако эта мера оказалась запоздалой.

После вывода из Приморья японских войск 4 октября 1922 года началось наступление НРА ДВР на последний очаг антибольшевистского сопротивления на территории России. Выдержав 8–14 октября ряд ожесточенных встречных боев, Земская Рать была вынуждена оставить города Никольск-Уссурийский (17 октября) и Владивосток (25 октября). Оренбургская казачья бригада в арьергарде армии отходила к границе Маньчжурии по маршруту Раздольное–Барабаш–Новокиевское. В Новокиевском Оренбургская казачья артиллерийская дружина была влита в состав артиллерийского полка, в который сводилась вся артиллерия армии (12 орудий). В районе границы казаки отбили атаку преследовавшей их красной конницы. Вероятно, это был последний бой Гражданской войны с участием оренбургских казаков. Однако антибольшевистское движение оренбургского казачества на этом не закончилось, оно лишь приобрело иную форму, концентрируясь в среде казачьей эмиграции. Гражданская война и этап наиболее активной вооруженной борьбы в истории Белого движения

завершились. 13 ноября 1922 года на Дальнем Востоке была провозглашена советская власть, а уже 16 ноября он был присоединен к РСФСР.

По соглашению с генералом Чжан Цзо-Лином частям Земской Рати было разрешено, разоружившись, перейти границу. Таким образом, НРА ДВР не удалось выполнить поставленную перед ней задачу по уничтожению личного состава Земской Рати до пересечения белыми границы с Маньчжурией[68]. В эмиграцию в составе Оренбургско-Уральской беженской группы ушло 808 военнослужащих, 37 женщин и 39 детей, в середине декабря из приграничного района казаки с семьями были отправлены в район Гирина, где до осени 1923 года жили в беженских лагерях[69], однако часть перешедших в Маньчжурию оренбургских казаков была возвращена в Советскую Россию. Что касается личного состава школы подхорунжих Оренбургского казачьего войска имени атамана А.И.Дутова (120 человек), то она из Владивостока эвакуировалась в корейский порт Гензан, откуда попала на работы в Сеул[70].

Подводя итоги, нельзя не задаться принципиальным вопросом: а был ли смысл в продолжении вооруженной борьбы с большевиками после перехода каппелевской армии в Забайкалье в феврале 1920 года?! Нам представляется, что продолжение борьбы с большевиками в Забайкалье и Приморье в 1920–1922 годах свой смысл имело. Прежде всего, в 1920 году победа большевиков была еще далеко не предрешена. и прекращение борьбы с ними в такой ситуации могло расцениваться лишь как предательство Белого движения. В 1921–1922 годах в Приморье уже шел процесс, в ходе которого сформировалась реальная альтернатива большевистской государственной модели. Япония или другие государства Антанты вполне могли, но не захотели обеспечить суверенитет Приамурского Земского Края на длительный срок, что могло серьезно ударить по авторитету большевиков. Такое государственное образование изначально явилось бы центром притяжения всех противников Советской власти и в любой момент могло стать очагом нового витка борьбы с Советской Россией. В этой связи нельзя не отметить любопытный факт, упомянутый в мемуарах начальника штаба Земской Рати Генерального штаба генерал-майора П.П.Петрова, который писал, что осенью 1921 года армия начала боевые действия в Приморье исключительно в преддверии Вашингтонской конференции (12 ноября 1921-го – 16 апреля 1922 года) с целью продемонстрировать представителям Великих держав, что борьба с большевиками на территории России еще продолжается[71]. Нужно отметить, что этот шаг возымел действие, ведь именно отсутствием на территории России единого правительства американские дипломаты мотивировали неприглашение на Вашингтонскую конференцию представителей большевистской власти[72]. Таким образом, сам факт продолжения антибольшевистского сопротивления на территории России уже имел международное значение. Гораздо большим было бы

значение этого факта в случае международного признания и гарантий антибольшевистскому государству на Дальнем Востоке.

В свете вышеприведенных доводов нам кажется очевидным, что продолжение белой борьбы в Забайкалье и Приморье потенциально имело достаточно широкие перспективы, которые, однако, по разным причинам не были реализованы на практике. Во всяком случае, целесообразность борьбы на Дальнем Востоке самими участниками антибольшевистского движения под сомнение не ставилась. В частности, поручик И.К.Волегов, сражавшийся с 1918 по 1922 год бок о бок с оренбургскими казаками, писал: «Кто не участвовал в Белом движении с 1918 по 1922 год, а тем более, учитывая, что с того времени прошло уже почти полвека[73], тому будут непонятны действия Приморской области, которая еще стремилась удержать власть в своих руках на этом клочке русской земли. Он на это может смотреть с критической точки зрения, основываясь, как на реальную силу (так в тексте. — *А.Г.*) Красной армии, которая уже проявила себя в победе над Дальневосточной Белой армией, так и на пословицу — поздно утопающему хвататься за соломинку. Такое рассуждение в то время нам в голову не приходило. Гражданскую войну нельзя рассматривать с такой точки зрения, будто Белая армия уже побеждена, потому что она потеряла территорию, за которую боролась с первых дней своего существования. Если международные войны приносили победу одной из воюющих сторон в захвате территории, которой раньше владел противник, то не всегда такие завоевания давали выгоду завоевателю, а в гражданской войне надо первым долгом завоевать симпатию народа и его любовь и пользоваться со стороны населения абсолютным доверием... На основании всего этого как Белая армия, так и Правительство Приморской области не могли и не имели права уйти из своей страны, не применив все возможности к защите Приморской области. В противном случае этот вопрос история рассматривала бы не как народное восстание против большевистской власти, а просто как случайный, не идейный, а, скорее всего, шкурный вопрос»[74]. На наш взгляд, вооруженная борьба с большевиками на Дальнем Востоке была доведена до своего логического, смыслового предела, и ее участников нельзя упрекнуть в том, что они прекратили сопротивление тогда, когда оно еще могло иметь шансы на успех.

Как писал генерал Дитерихс в одном из своих последних Указов: «Силы Земской Приамурской Рати сломлены. Двенадцать тяжелых дней борьбы одними кадрами бессмертных героев Сибири и Ледяного Похода, без пополнения, без патронов решили участь Земского Приамурского Края. Скоро его уже не станет. Он как тело — умрет. Но только как тело. В духовном отношении, в значении ярко вспыхнувшей в пределах его русской, исторической, нравственно-религиозной идеологии, — он никогда не умрет в будущей истории возрождения Великой Святой Руси»[75].

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИЯМ ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАЧЬИХ ЧАСТЕЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. 1920–1922 ГГ.[76]

Алеманов – войсковой старшина, командир 2-го Оренбургского казачьего полка в Забайкалье (осень 1920).

Анисимов Николай Семенович (18.12.1877–08.04.1931) – генерал-майор Оренбургского казачьего войска (1919). Из дворян Оренбургской губернии. Родился в поселке Изяк-Никитинский Пречистенской волости Оренбургской губернии. С 1896 года – на службе в органах управления Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище. Подъесаул, помощник старшего адъютанта Войскового штаба Оренбургского казачьего войска (1914). Кавалер Бухарской звезды 3-й степени. Участник Первой мировой войны. Кандидат в депутаты Учредительного собрания от Оренбургского казачьего войска. Полковник (октябрь 1918). Депутат Войскового круга Оренбургского казачьего войска (1917–1919), служил в военном отделе Войскового правительства (1919). Представитель Оренбургского казачьего войска в Ставке адмирала А.В.Колчака. Член Государственного экономического совещания (Омск, сентябрь 1919). Эвакуировался в порт Гензан (Корея) на пароходе «Эльдорадо». В эмиграции – в Харбине. Осенью 1920 года получил от атамана Г.М.Семенова 100 тысяч золотых рублей для поддержки оренбургских казаков в Китае. После гибели атамана А.И.Дутова был избран на организационном собрании оренбургских казаков 1 марта 1921 года заместителем Войскового атамана. Получил в распоряжение войсковые средства (около 50 тысяч рублей). Снят с поста 16 февраля 1923 года за растрату войсковых средств. 5 апреля 1925 года с несколькими казаками бежал из Шанхая во Владивосток, угнав пароход «Монгугай». Поселился в Москве, где заведовал лесным складом Парка культуры и отдыха. Арестован 15 августа 1930 года. 3 апреля 1931 года обвинен в подготовке вооруженного восстания и шпионаже, приговорен Коллегией ОГПУ к расстрелу. Расстрелян. Реабилитирован на основании статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года.

Антонов – полковник, бригадный интендант Отдельной Оренбургской казачьей бригады (на 01.06.1921).

Бектеев – прапорщик, офицер Отдельной Оренбургской казачьей бригады. Находясь в эмиграции, дал поручику Б.Б.Филимонову устные показания для написания его книги «Белоповстанцы».

Бородин Василий Аристархович (?–не позднее 1952) – генерал-майор. Из казаков Оренбургского казачьего войска. В начале 1918 го-

да в Верхнеуральске возглавлял один из казачьих партизанских отрядов. В 1919 году командовал 2-м Оренбургским казачьим полком. Командовал второй бригадой 1-й Оренбургской казачьей дивизии (в чине генерал-майора; уволен от службы с 3 июня 1919) на Уфимском фронте. Командир 1-го Оренбургского казачьего полка (1920–1921). С мая 1921 года принял командование Отдельной Оренбургской казачьей бригадой. С 23 октября 1921 года назначен командиром 1-го Сводно-казачьего корпуса. Участник Приамурского Земского Собора. Командующий Сибирской казачьей группой (август–октябрь 1922). В эмиграции – в Китае. Член правления казачьего союза в Шанхае.

Волегов Игнатий Калинникович (1888–07.12.1966) – офицер одного из Оренбургских казачьих полков. Неказак. Родился в селе Волегово Кунгурского уезда Пермской губернии в семье лесопромышленника. Окончил реальное училище, школу прапорщиков. Участник Первой мировой войны. Участвовал в боевых действиях на Румынском фронте в составе 242-го Луковского пехотного полка (находился в полку до демобилизации в феврале 1918 года). Начальник учебной команды. Произведен в подпоручики. Награжден орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Св. Владимира 4-й степени. С весны–лета 1918 года, как офицер, активно участвовал в антибольшевистском движении в составе повстанческих и казачьих частей. Поручик. Принимал участие в боевых действиях на Уфимском фронте. Участник Сибирского Ледяного похода. Офицер Оренбургской казачьей бригады (1920–1922). В эмиграции – в Китае. Работал на кожевенном заводе в Маньчжурии. Жил в Хайларе, где завел собственное дело. Занимался изготовлением обуви, а позднее животноводством. В 1957 году вместе с семьей уехал в Австралию. Жил в Мельбурне и Джилонге. Автор книги: Воспоминания о Ледяном походе. Данденонг, 1988.

Воронин Михаил Ф. (?–1935) – полковник (не позднее 1921). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Есаул (не позднее августа 1918). С 05.08.1918 – командир 3-й кадровой Оренбургской казачьей батареи. Участник Сибирского Ледяного похода. Командир 2-го Оренбургского казачьего артиллерийского дивизиона, Отдельного Оренбургского казачьего артиллерийского дивизиона, Отдельной Оренбургской казачьей артиллерийской сотни в Приморье (1921). В эмиграции – в Китае. Умер в Харбине.

Гусельцев – войсковой старшина, командир (?) офицерского взвода Оренбургского казачьего полка (1922). Ранен в бою под деревней Вассиановка возле Уссурийской железной дороги в июле 1922 года.

Донских – полковник, командир Оренбургского казачьего пешего дивизиона (Забайкалье, осень 1920).

Завьялов – подъесаул, офицер Оренбургской казачьей бригады (1921–1922). Со взводом казаков охранял станцию Новонежино.

Подорвал себя ручной гранатой, будучи окружен красными партизанами.

Загребин — есаул, исполнял обязанности старшего адъютанта Отдельной Оренбургской казачьей бригады (на 16.06.1921).

Зуев Аристарх Васильевич (28.04.1890–02.02.1944) — генерал-майор (не ранее 1921), казачий публицист. Из казаков станицы Кундравинской Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище (1911). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Подъесаул (на 1918). Помощник командира (с ноября 1918), командир 11-го Оренбургского казачьего полка (с 1919) в составе 5-й Отдельной Оренбургской казачьей бригады генерал-майора В.В.Кручинина. Участник Сибирского Ледяного похода. С конца 1920-го — командир 2-го Оренбургского казачьего полка. Командир Оренбургской казачьей бригады (с июля 1922). В эмиграции — в Китае. Окончил университет. Работал юристом. Автор книги: Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом 1918–1922 гг.: Очерки. Харбин, 1937. Атаман казачьей станицы в Харбине. Председатель Союза казаков на Дальнем Востоке. Советник Бюро по делам русских эмигрантов в Маньчжурии (с 1940). Умер в Харбине.

Зырянов Н.А. (?март–апрель 1922) — есаул, офицер Оренбургской казачьей бригады (1921–1922). Погиб накануне Св. Пасхи 1922 года (т.е. не позднее 03.04.1922) во время разведки в районе Сучана.

Иванов — полковник, командир первой сотни Оренбургского казачьего пешего дивизиона (Забайкалье, осень 1920).

Ильиных — есаул, старший адъютант Отдельной Оренбургской казачьей бригады (на 03.06.1921).

Истомин Андрей (29.09.1898–?) — есаул 11-го Оренбургского казачьего полка (на 30.10.1920, станция Маньчжурия). Сын казака Оренбургского казачьего войска. Общее образование домашнее, специальное — в Иркутском военном училище (1917). Произведен в прапорщики (13.02.1918). По мобилизации призван в 11-й Оренбургский казачий полк младшим офицером (04.07.1918). Произведен в чин хорунжего (08.03.1919 со старшинством с 01.08.1917). Произведен в сотники (10.03.1920 со старшинством с 04.03.1919). Произведен в подъесаулы (12.03.1920 со старшинством с 04.03.1920). Произведен в есаулы (14.03.1920 со старшинством с 12.02.1920). За войну с большевиками награжден орденами: Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 2-й степени с мечами. Исключен из списков полка с 12.08.1920. Представлен к награждению орденом Св. Георгия 4-й степени за бой 25.06.1919.

Киселев — полковник, командир второго дивизиона Оренбургского казачьего полка (на 23.06.1921).

Ковригин — Генерального штаба полковник, генерал для поручений при начальнике Отдельной Оренбургской казачьей бригады (на 28.08.1921).

Кононов – Генерального штаба полковник, начальник штаба Отдельной Оренбургской казачьей бригады (на 01.06.1921), начальник штаба Сибирской казачьей группы (1922).

Константинов Павел – прапорщик Отдельной Оренбургской казачьей артиллерийской сотни (с 31.07.1921 со старшинством с 25.11.1920). Произведен в офицерский чин из подхорунжих за боевые отличия.

Корольков – полковник, в 1920–1921 годах – командир 2-го и 1-го Оренбургских казачьих полков.

Лавров – есаул, полковой адъютант 11-го Оренбургского казачьего полка (на 30.10.1920, станция Маньчжурия).

Лаврухин – войсковой старшина 11-го Оренбургского казачьего полка (на 30.10.1920, станция Маньчжурия).

Лаврухин – есаул, командир второй сотни 11-го Оренбургского казачьего полка (1920).

Наумов Николай Матвеевич (05.12.1881–23.12.1953) – генерал-майор Оренбургского казачьего войска. Командир 5-го Оренбургского казачьего полка (1919). В 1921 году командовал Оренбургской казачьей бригадой на Дальнем Востоке (до мая), с сентября 1921-го по июль 1922 года – командир Оренбургской казачьей бригады. В эмиграции – в Китае и Австралии. Умер и похоронен в Сиднее.

Орлов Яков Т. (?–не ранее 1944) – войсковой старшина Отдельного Оренбургского казачьего полка (произведен 27.07.1921 из есаулов со старшинством с 28.08.1919). На 19.09.1918 – сотник, бывший помощник командира 2-го Донецкого казачьего полка, кавалер «Ленты Отличия» Оренбургского казачьего войска. В эмиграции – в Китае. Жил в Харбине. Автор книги: В боях за Россию. Оренбургские казаки от Оренбурга до Владивостока. Харбин, 1944.

Павлов Федот Иванович – войсковой старшина. Служил в Отдельной Оренбургской казачьей бригаде. Временно исполнял должность начальника штаба Оренбургской казачьей бригады (на 01.06.1921). Участник Приамурского Земского Собора.

Панов Василий Михайлович (29.12.1875 – 09.11.1936) – генерал-лейтенант Оренбургского казачьего войска. Родился в офицерской казачьей семье в станице Усть-Уйской. Окончил 2-й Оренбургский кадетский корпус (1894), Николаевское кавалерийское училище (1896, по первому разряду). Получил назначение в 1-й Оренбургский казачий полк. В 1904 году в чине сотника переведен на службу в 1-й Сибирский Ермака Тимофеевича казачий полк младшим офицером в 6-ю сотню. Позже переведен во 2-й Сибирский казачий полк в Семиречье. В 1908 году переведен в 4-й, а в 1912 году – во 2-й Оренбургский казачий полк, в составе которого выступил на фронт Первой мировой войны. При отступлении II армии генерала от кавалерии А.В.Самсонова из Пруссии есаул Панов, командир третьей сотни 2-го Оренбургского казачьего полка, за лихую атаку на ландверный немецкий конный полк и взятие его полкового знамени награжден

орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1916 году назначен помощником командира 5-го Атамана Могутова Оренбургского казачьего полка и произведен в полковники. По возвращении с фронта после революции принял участие в антибольшевистском движении. В отряде атамана А.И.Дутова командовал конной сотней, вместе с которой участвовал в Тургайском походе (1918). По возвращении из Тургая был назначен командиром 2-й Оренбургской казачьей бригады, с которой совершил Сибирский Ледяной поход в Забайкалье, а оттуда через год в Приморье, командуя уже Сводно-казачьей дивизией. Из Приморья попал в порт Гензан (Корея). Затем через Дайрен и Тяньцзин переехал в Шанхай. Работал сторожем на табачной фабрике, исполнял обязанности церковного старосты в соборе. Материальное положение генерала Панова в эмиграции было очень тяжелым и отчасти явилось причиной его преждевременной смерти.

Пашнин М.Н. – полковник, офицер Оренбургского казачьего полка в Приморье (на 16.06.1921). На июль 1918 года – сотник, командир пятой сотни 6-го Оренбургского казачьего полка, действовавшей в составе Султаевского отряда на тракте Челябинск–Екатеринбург. На службе в 17-м (август 1918), позднее – в 11-м Оренбургских казачьих полках (на начало 1919). На февраль 1920 – есаул, командир сотни 11-го Оренбургского казачьего полка. Участник Сибирского Ледяного похода.

Плотников – есаул, позднее войсковой старшина (?), командир Оренбургской казачьей артиллерийской сотни (1921–1922).

Потапов – войсковой старшина 11-го Оренбургского казачьего полка (на 30.10.1920, станция Маньчжурия).

Радошников Михаил – сотник Отдельного Оренбургского казачьего полка (произведен 27.07.1921 за выслугу лет из хорунжих со старшинством с 24.05.1920).

Сокарев (Сокорев) – полковник, начальник школы подхорунжих Оренбургского казачьего войска имени атамана А.И.Дутова во Владивостоке (с 1921).

Степаненко – есаул, адъютант Оренбургского казачьего пластунского дивизиона (Забайкалье, осень 1920).

Сукин А.Т. – полковник, командир 11-го Оренбургского казачьего полка (на 30.10.1920, станция Маньчжурия).

Тарасов – сотник, командир второй сотни Оренбургского казачьего пластунского дивизиона (Забайкалье, осень 1920).

Титов – полковник, командир Отдельного Оренбургского казачьего пластунского дивизиона (на 01.06.1921).

Царицынцев – сотник, офицер Отдельной Оренбургской казачьей бригады. Находясь в эмиграции, дал поручику Б.Б.Филимонову устные показания для написания его книги «Белоповстанцы».

Чернев (?–июль 1922) – есаул, офицер Оренбургского казачьего полка (1922). Погиб в бою под деревней Вассиановка возле Уссурийской железной дороги.

Шальнов Дмитрий (около 1897–?) – сотник, старший офицер четвертой сотни 11-го Оренбургского казачьего полка (на 12.11.1920).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 967. Л. 30, 67, 74, 76, 85; Д. 968. Л. 1 об., 5, 16, 45, 46, 54, 63 об., 68 об., 70; *Зуев А.В.* Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом 1918–1922 гг. Очерки. Харбин, 1937. С. 84; *Волков Е.В.* Вооруженные формирования оренбургских казаков в составе регулярных соединений белых войск (1918–1922) // Оренбургское казачье войско: Страницы истории XIX–XX веков. Челябинск, 1999. С. 53.

[2] *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922). Рига, 1930. С. 182.

[3] *Волегов И.К.* Воспоминания о Ледяном походе: Историческая повесть. Данденонг, 1988. С. 177–179.

[4] *Камбалин А.И.* 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк в Ледяном походе // Белая гвардия (Москва). Альманах. 1999–2000. № 3. С. 94.

[5] *Зуев А.В.* Указ. соч. С. 80–81, 86; *Якимов М.* Неудача атамана // Таежные походы: Сб. эпизодов из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке. М., 1936. С. 469.

[6] История Гражданской войны в СССР. Т. 5. Конец иностранной военной интервенции и Гражданской войны в СССР. Ликвидация последних очагов контрреволюции (Февраль 1920 г. — октябрь 1922 г.). М., 1960. С. 326.

[7] *Зуев А.В.* Указ. соч. С. 88.

[8] Там же. С. 89.

[9] РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 75. Л. 31 об.–33.

[10] *Зуев А.В.* Указ. соч. С. 95.

[11] *Петров П.П.* Указ. соч. С. 159–160.

[12] *Семенов Г.М.* О себе. Воспоминания, мысли и выводы. Б.м., 1938. С. 152.

[13] *Волегов И.К.* Указ. соч. С. 223.

[14] РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

[15] Там же. Л. 10 об.

[16] *Филимонов Б.Б.* Белая армия адмирала Колчака. М., 1997. С. 115.

[17] Составлено по: РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 221. Л. 3 об.; *Зуев А.В.* Указ. соч. С. 100.

[18] В своих воспоминаниях генерал-майор А.В.Зуев отметил, что по прибытии в Приморье Оренбургская казачья бригада имела следующий командный состав: командир 1-го Оренбургского казачьего полка — полковник Корольков, командир 2-го Оренбургского казачьего полка — генерал-майор А.В.Зуев (*Зуев А.В.* Указ. соч. С. 100.). Скорее всего, генерал Зуев в данном случае допустил неточность и его свидетельство относится к более позднему времени, когда в состав Оренбургской казачьей бригады был окончательно включен бывший 11-й Оренбургский казачий полк, а генерал-майор В.А.Бородин получил назначение на должность начальника бригады (май 1921 года). Представляется более логичным, что генерал Бородин вплоть до мая 1921 года продолжал оставаться командиром 1-го Оренбургского казачьего полка, тогда как полковник Корольков принял этот полк уже после повышения Бородина до уровня комбрига. Соответственно, после ухода полковника Королькова командование 2-м Оренбургским казачьим полком было возложено на генерал-майора А.В.Зуева. Это предположение косвенно подтверждается разведсводками РККА (РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 221. Л. 3 об.), в которых указано, что 1-м Оренбургским казачьим полком командовал генерал-майор В.А.Бородин, а 2-м — полковник Корольков (данные на 20.12.1920).

[19] *Зуев А.В.* Указ. соч. С. 106.

[20] *Филимонов Б.Б.* Конец Белого Приморья. Роквилль (Сан-Франциско), 1971. С. 142.

[21] Незаконченный дневник оренбургского казачьего офицера А.О.Приданникова — Библиотека-фонд «Русское зарубежье». Ф. 1. Оп. 3. АВ–14. Л. 65.

[22] *Енборисов Г.В.* От Урала до Харбина. Шанхай, 1932. С. 114.

[23] Цит. по: *Зуев А.В.* Указ. соч. С. 111–112.
[24] *Филимонов Б.Б.* Белая армия адмирала Колчака. М., 1997. С. 115–116.
[25] *Семенов Г.М.* Указ. соч. С. 166.
[26] РГВА. Ф. 39730. Оп. 1. Д. 6. Л. 23.
[27] Там же. Ф. 39817. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.
[28] ГАРФ. Ф. 7598. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
[29] По данным на 01.06.1921, армия имела лишь 86 винтовок, через месяц эта цифра возросла до 252, а еще через месяц — примерно до 500 винтовок. — ГАРФ. Ф. 7598. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.
[30] РГВА. Ф. 39730. Оп. 1. Д. 8. Л. 10 об.–11, 14 об.–15; *Филимонов Б.Б.* Указ. соч. М., 1997. С. 146–147.
[31] РГВА. Ф. 39730. Оп. 1. Д. 8. Л. 10 об.–11.
[32] Составлено по: РГВА. Ф. 39730. Оп. 1. Д. 3. Л. 42.
[33] Штат Оренбургского казачьего полка в период Гражданской войны составлял 38 офицеров, 875 нижних чинов и 1008 лошадей. РГВА. Ф. 39864. Оп. 1. Д. 1. Л. 78.
[34] В оригинале ошибочно — «вырывала». — *А.Г.*
[35] В оригинале ошибочно — «заставляла». — *А.Г.*
[36] *Филимонов Б.Б.* Белоповстанцы. Хабаровский поход зимы 1921–22 годов. Кн. 1. Ч. 1. Перед походом. Ч. 2. Наступление белых. Шанхай, 1932. С. 29.
[37] РГВА. Ф. 39730. Оп. 1. Д. 8. Л. 89.
[38] Там же. Л. 107.
[39] *Савченко С.Н.* Уссурийское казачье войско в Гражданской войне на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2002. С. 261.
[40] ГАРФ. Ф. 7598. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
[41] Героические годы борьбы и побед. Дальний Восток в огне Гражданской войны. М., 1968. С. 289–290, 292.
[42] ГАРФ. Ф. 7598. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.
[43] Там же. Ф. 944. Оп. 1. Д. 67. Л. 28–28 об.
[44] *Филимонов Б.Б.* Указ. соч. С. 239.
[45] ГАРФ. Ф. 7598. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.
[46] Там же. Ф. 944. Оп. 1. Д. 67. Л. 138.
[47] Когда в ходе Хабаровского похода возникла идея кавалерийского рейда по тылам красных, генерал-майор В.М.Молчанов телеграфировал Главнокомандующему генерал-лейтенанту Г.А.Вержбицкому о присылке в его распоряжение опытного кавалерийского начальника — генерал-лейтенанта К.П.Нечаева или командира Оренбургской казачьей бригады генерал-майора Н.М.Наумова, однако ни тот, ни другой генерал в распоряжение Молчанова командированы не были. *Филимонов Б.Б.* Указ. соч. С. 145.
[48] Героические годы борьбы и побед. Дальний Восток в огне Гражданской войны. М., 1968. С. 289.
[49] Приказ войскам Временного Приамурского правительства от 10.11.1921. *Филимонов Б.Б.* Указ соч. С. 83.
[50] Составлено по: *Филимонов Б.Б.* Белая армия адмирала Колчака. М., 1997. С. 116.
[51] *Филимонов Б.Б.* Белоповстанцы. Хабаровский поход зимы 1921–22 годов. Кн. 1. Ч. 1. Перед походом. Ч. 2. Наступление белых. Шанхай, 1932. С. 74.
[52] По сведениям на 10.01.1922 г., части Оренбургской казачьей бригады были дислоцированы в районе Раздольное–Сучан. РГВА. Ф. 39730. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.
[53] *Зуев А.В.* Указ. соч. С. 120.
[54] РГВА. Ф. 39817. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.
[55] *Филимонов Б.Б.* Белая армия адмирала Колчака. М., 1997. С. 148–149.
[56] В июне 1922 г. генерал Анисимов вышел из Совета казачьих войск из-за поддержки генералом П.П.Ивановым-Риновым деятельности Меркуловых. *Савченко С.Н.* Указ. соч. С. 264–265.
[57] ГАРФ. Ф. 5194. Оп. 1. Д. 3. Л. 5, 10, 29; Русская армия. 1922. № 149. 19.07. С. 1.
[58] ГАРФ. Ф. 937. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 об.
[59] Там же. Ф. 944. Оп. 1. Д. 228. Л. 2–3.

[60] РГВА. Ф. 39817. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.

[61] *Филимонов Б.Б.* Белая армия адмирала Колчака. М., 1997. С. 153; По советским данным, в Оренбургской казачьей бригаде на период 1921–1922 гг. по списку было не более 300 сабель. *Покус Я.*[*З.*]. Борьба за Приморье. Ч. 1. Народно-Революционная армия Дальне-Восточной Республики в 1921–1922 г. М.–Л., 1926. С. 21.

[62] Оренбургская артиллерийская сотня получила единственное трехдюймовое орудие лишь в десятых числах октября 1922 г. — фактически к моменту окончания боевых действий в Приморье.

[63] *Филимонов Б.Б.* Конец Белого Приморья. Роквилль (Сан-Франциско), 1971. С. 140.

[64] *Петров П.П.* Указ. соч. С. 214.

[65] *Филимонов Б.Б.* Указ. соч. С. 170.

[66] Там же. С. 171.

[67] ГАРФ. Ф. 937. Оп. 1. Д. 5. Л. 33.

[68] См.: Воззвание IV Дальневосточной краевой конференции РКП(б) к бойцам и командирам НРА от 22.09.1922. Октябрь на Амуре. 1917–1922: Сб. документов. Благовещенск, 1961. С. 363.

[69] *Петров П.П.* Указ. соч. С. 232–233.

[70] [Акулинин И.Г.?] Оренбургские казаки на Д[альнем]. Востоке // Казачьи Думы (София). 1923. 15.08. № 7. С. 13; «Устроиться всем казакам в пределах Китая не представляется возможным». Письмо и памятная записка генерал-майора Оренбургского казачьего войска И.Г.Акулинина. Публ. А.Ганина // Источник. 2002. № 1. С. 93.

[71] *Петров П.П.* Указ. соч. С. 191.

[72] История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.) / Под ред. акад. В.П.Потемкина. М.–Л., 1945. С. 127.

[73] Воспоминания И.К.Волегова были написаны в середине 1960-х гг. — *А.Г.*

[74] *Волегов И.К.* Указ. соч. С. 231–233.

[75] Указ Правителя Приамурского Земского Края № 68 от 17.10.1922. ГАРФ. Ф. 937. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

[76] К сожалению, о большей части офицеров оренбургских казачьих частей, участвовавших в антибольшевистском движении на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг., мы располагаем лишь отрывочными данными. В дальнейшем автор надеется восполнить существующую неполноту биографических сведений.